

Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣснь одна: нязать и распускать свой
Читать и перечитывать, одѣться [жемчугъ,
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить,
И спать... Однако жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ!

(Молчаніе).

Что пользы? (Кличетъ) Няня! Сара, Сара!
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?..

Сара (старуха, идетъ): Что, милая Ноэми,
что тебѣ?

Иль жемчугъ распустила?—Но вѣдь я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредигъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможности; такъ ли?

Ноэми: Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила
низать.

Сара: Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ твой года не тѣмъ была довольна;
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно!—что жъ меня звала ты?

Ноэми: Такъ!

Мнѣ скучно.. я больна...

Сара: Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...

Есть у меня знакомый, преискусный...

Ноэми: Не надо... Я не то чтобы больна—
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Расскажи мнѣ сказку
Про старину... садись и расскажи...

Сара: Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба!

Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

Ноэми: Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. растолкуй мнѣ:

Мнѣ снилось, что приходитъ человекъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась

И стала омыwać потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:

«Смотри: я братъ твой...» но, клянуся,

Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять:

Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;

Но этотъ человекъ захохоталъ

И вдругъ воскликнулъ: «перестань молиться!

Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ!..

Оставь меня, прекрасная еврейка:

Я христіанинъ—и не братъ твой;

Я вадъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться».

И онъ сѣвши уйти... и я схватила

Его широкій плащъ... но что жъ?—въ рукахъ
Остася погребальный саванъ!.. я просну-

лась..

Сара: Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноэми: Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

Сара: О, Ноэми!

Не говори... случиться это можетъ.

Ноэми: Какъ можетъ? Какъ?.. Нѣтъ, это
невозможно.

Сара: Послушай, у тебя былъ братъ.

Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:

Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...

Быть можетъ думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ

И для того тебѣ объ немъ не говорили.
А можетъ быть онъ живъ—какъ знать!

Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

Ноэми: Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ, онъ умеръ...
Увяль онъ, какъ трава пустыни, и какъ
цвѣтъ

Полей, засохнулъ... Такъ, онъ былъ рож-
денъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ дру-
гомъ.

О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ!..

Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ смирался по свѣту; отцизна,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ!..
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.

Зачѣмъ и нѣтъ?—Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отцизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понинѣ притѣсняли...

Однако жъ и межъ нихъ есть добрые.

Сара: Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намерни Моисей!

Родитель твой хотѣлъ вознаградить

Его звенящимъ коншелькомъ, но онъ

Его ногами истопталъ, сказавъ:

«Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!

Я не наемникъ твой!» Прости ему, Все-
вышній!

Подобныя хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнувшихъ сыновъ
Израиля.

Ноэми: Прости ему, Всевышній!..

Сара (подходитъ къ окну):

Какая ночь! въ такую точно ночь

Я стала жертвою любви... Иосифъ мой!

О, если бъ ты меня теперь увидѣлъ,

Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;

Мои глаза блистали какъ алмазы,

И щeki быи нѣжны точно пухъ...

Увы, Ноэми! кто бъ тогда подумалъ,